

статья по специальности

УДК: 882

РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНСКИХ МИФОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ К. БАЛЬМОНТА, С. ГОРОДЕЦКОГО, А. КОНДРАТЬЕВА

Анна А. Моисеева

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия*

Keywords: Slavic mythology, poetic cycles of the beginning 20th century, reconstruction and interpretation.

Summary: The article deals with three different variants of reconstruction and interpretation Slavic mythology in three poetic cycles of the beginning 20th century. Three poets create specific poetic pictures of Slavic past. All of them – Konstantin Balmont's idyllic world of past, Sergey Gorodetsky's cruel world of primitive passions and Aleksey Kondratyev's universal picture of world cultural relationships – try to understand beginnings of national character.

Обращения к славянской мифологии в русской поэтической традиции обнаруживаются с начала XVIII в. (Феофан Прокопович в «трагедокомедии» в стихах «Владимир», затем – М. Херасков, М. Чулков, Г. Державин). Следует отметить разнообразие упоминаемых ими славянских божеств: Мошко (Макошь), Перун, Велес, Лада, Лель, Ний, Купало и др. Однако вплоть до начала XX в. мир славянского язычества не представлял для поэтов самостоятельного интереса: славянские мифонимы, как правило, выполняли служебные функции в поэтическом тексте (создание исторического либо национального колорита).

В начале XX в., который часто характеризуют как период формирования неомифологического сознания, интерес к славянскому пантеону богов активизируется и приобретает принципиально новый характер: это интерес собственно к мифу, попытка его воссоздания и осмысления. В отношении славянских мифов особенно значимым оказывается момент воссоздания, поскольку славянская мифология, в отличие от древнегреческой, римской и даже скандинавской, сохранилась крайне фрагментарно. Согласно образному высказыванию исследователя Александры Баженовой, древнеславянская религия «похожа на клочки старинных кружев, забытый узор которых надо восстановить по обрывкам» (Мифы древних славян, 1993: 4). Причины

этого достаточно очевидно: в первую очередь стоит вспомнить об отсутствии сохранившихся памятников славянской письменности периода язычества и вытеснении языческих преданий околицерковными христианскими легендами, контаминации языческой и христианской образности в фольклоре. В результате именно территория славянской мифологии оказывается по сути своей «terra incognita» для носителей русской поэтической культуры начала XX в. и предоставляет им обширные творческие возможности.

Особое внимание хотелось бы уделить не единичным обращениям к образам славянских божеств, а отдельным поэтическим циклам, фактически даже сборникам, представляющим развернутые попытки реконструкции если не целостной мифологической системы славян, то хотя бы её отдельных мифов. Остановимся на трёх из них: цикл «Тени богов светлоглазых» Константина Бальмонта, завершающий сборник «Жар-птица» (с подзаголовком «Свирель славянина») (лето 1906 г.); дебютный поэтический сборник Сергея Городецкого «Ярь» (1907 г.); сборник сонетов «Славянские боги» Александра Кондратьева (опубликованный в эмиграции, в 1938 г.).

В цикле К. Бальмонта наблюдается попытка реконструкции мифологической онтологии, картины мира древних славян в целом. Первые два произведения выстраивают своего рода «ось координат» этого мира. Пространственная горизонталь создается в стихотворении «Четверократность», центральным образом которого является священный столб четырехглавого «бога богов» («Мифы народов мира»: 420) Световита, соотносимый с четырехчленной моделью мира в славянской мифологии: *На четыре конца мировых / Зеленой, жизнь людей...* (Бальмонт, 1994: 236). Вертикаль образуется в следующем тексте – «Славянское древо»: *Корнями гнездится глубоко, / Вершиной восходит высоко, / Зелёные ветви уводит в лазурно-широкую даль* (Бальмонт, 1994: 237). Далее идут образы верховных божеств: «Сварог», «Руевит», «Ярило», «Богиня-Громовница», перемежаемые с поэтическими описаниями их предполагаемых атрибутов (радуга как лук Перуна, гусли-самогуды как инструмент Громовника, колос Велеса и т.п.) и праздников («Свадьба Месяца», «Праздник Весны» и др.). Затем им на смену приходят низшие божества («Водяной», «Болотняник», «Домовой») и мифические птицы («Райские птицы», «Птицы Чернобога», «Птица Сирина», «Птица Стратим»). Завершается цикл вновь обращением к фигуре бога Световита в стихотворении, названном в его честь (*Я вижу призрак Световита, / Меж облаков, / Кругом него святая свита / Родных Богов*) (Бальмонт, 1994: 294), благодаря чему можно говорить о гармонической кольцевой

композиции цикла. Такой тип композиции выбран, по-видимому, отнюдь не случайно: он подчеркивает гармонию создаваемой поэтическим воображением реальности. Мир древних славян предстает в цикле К. Бальмонта как вариант «потерянного рая», идиллическое царство света, добра, изобилия и красоты. Интересно, что одним из наиболее частотных здесь (наряду со столь же позитивно маркированными мотивами праздника, пира, пения и цветения) оказывается достаточно экзотичный мотив драгоценностей (драгоценных камней и металлов): *Чаровническим светом горит / Изумруд, хризолит, и карбункул, и горный хрусталь* («Четверократность») (Бальмонт, 1994: 236), *Творец вился, как змей, / Рождался изумруд, / От солнечных лучей, / Везде цветы цветут* («Белбог и Чернобог») (Бальмонт, 1994: 254), *В тучах есть леса, есть пашины и посевы, / Стройные, растут, восходят терема, / У янтарных окон Облачные Девы / Ткут, прядут, в их тканях – свет, в их пряже – тьма* (Бальмонт, 1994: 257), *Отправился Витязь к безвестностям стран, / По синему Морю, чрез влажный туман. / Плышет, развернулась пред ним бирюза, / Морская Пучина – кругом вся Глаза* («Морское Чудо») (Бальмонт, 1994: 262), *Много всякого: книжка Цветные Странички, / Из жемчужины рыбки, из золота птички...* («Морская пани») (Бальмонт, 1994: 263) и т.п. Можно предположить, что этот мотив является своеобразным ключом к бальмонтовскому пониманию мира славянских древностей: поэт воспринимает его как сокровищницу и пытается запечатлеть этот образ в сознании своего читателя.

В сборнике С. Городецкого «Ярь» предпринимается попытка реконструкции мифологического цикла, связанного с образом отдельного славянского божества, а именно – бога весеннего плодородия Ярилы (стихотворения цикла «Ярь»: «Рождество Ярилы», «Ставят Ярилу», «Славят Ярилу» и др.). В этом образе у поэта акцентируются не столько представления о весне, сколько значения русского прилагательного «ярый»: «сердитый, горячий, огненный» («Мифы народов мира», 2000: 686). Рядом с образом Ярилы появляются образы его помощников Барыбы и Удраса, очевидно, вымышленные самим С. Городецким. Барыба предстает как божество, покровительствующее женской телесности, зачатию и родовспомогательной деятельности: *Барыба, Барыба, / Отяжели, / Беремя, Барыба, / Пошли. / Барыба, Барыба, / Уж я понесу, / Барыба, Барыба, / Уж я принесу* («Славят Ярилу») (Городецкий, 1987: 79). Противопоставляемый Барыбе Удрас, по-видимому, покровительствует мужскому телу и его жизнедеятельности (вероятная этимология: «уд,

уды» – «срамные уды» как один из народных вариантов наименования мужских половых органов). Любопытно отметить, что в цикле К. Бальмонта образ Ярилы также выделялся особо: он является единственным из божеств, которому передоверяется лирическое повествование. От его лица написаны стихотворения «Ярило» и «Богиня-Громовница» (последняя, по Бальмонту, является возлюбленной Ярилы, на зиму умирающей и пробуждающейся при его появлении; стихотворение выстроено в форме обращения к ней). Однако у С. Городецкого мы видим совершенно иного Ярилу и в принципе иной мир славянского язычества: мир хаоса, первобытной жестокости, разгула диких страстей. Особенно яркое и отталкивающее впечатление производят картины кровавых человеческих жертвоприношений: девочки-жрицы, в чье тело погружают топор, которым вытесывается лик идола («Ярилу ставят») и нерожденного младенца, извергаемого матерью к подножию камня Барыбы во имя плодородия всего племени («Барыба»).

Книга А. Кондратьева написана значительно позднее, однако несомненна её связь с настроением и образностью «серебряного века», как и многие другие произведения русской эмиграции. Она представляет попытку реконструкции пантеона славянских божеств, начиная с Перуна и заканчивая мелкими демонами, тревожащими либо оберегающими сон новорожденных младенцев – криками и сырливницей с одной стороны, Баюном, Зевотой и Угомомом с другой. Используется прием смены точки зрения – одно и то же славянское божество может изображаться извне, глазами безличного повествователя либо глазами другого мифологического персонажа и, что самое необычное, изнутри, т.е. в процессе повествования о себе самом (самих) от первого лица, к примеру, в стихотворениях «Чаша Чернобога», «Марена», «Лель и Полель», «Дзевана», «Вий» и многие другие. Таким образом, А. Кондратьевым предпринимается попытка создания объективной, внеочечной картины «взаимоотношений» славянских божеств, которая тяготеет к универсальности и сознательно вписывается автором в систему мировой мифологии и мировой культуры. Очевидны проводимые автором параллели между образами и сюжетами с одной стороны – славянской, а с другой – античной и скандинавской мифологией; преднамеренно выбрана для всех произведений цикла и сама классическая форма сонета.

Во всех трёх рассматриваемых случаях обнаруживается реализованная различными поэтическими средствами попытка понять первообраз славянского мира, истоки национального характера, реконструировать прототипическую национальную картину мира.

Литература:

- Бальмонт, Константин Д. 1994. *Собрание сочинений в двух томах*. М., Можайск: Терра. Т. 2. 704 с.
- Городецкий, Сергей М. 1987. *Избранные произведения в 2-х тт.* М.: Художественная литература. Т.1. Стихотворения. 479 с.
- Ковчег: Поэзия первой эмиграции* / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Политиздат, 1991. 511 с.
- Кондратьев, Александр А. 2006. *На берегах Ярыни. Рівне: Волинські обереги*. 368 с.
- Мифы древних славян. Велесова книга* / Сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1993. 320 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т.* / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: НИ «Большая российская энциклопедия», 2000. Т.2.: К – Я. 720 с.